

В ЭТОМ ГОДУ в издательстве «Советский писатель» вышла книга К. Симонова «Письма о войне» (составление Л. Лазарева). В нее вошли несколько писем, написанных К. Симоновым бывшему ответственному редактору газеты «Красная звезда» Д. И. Ортенбергу.

Однако письмо, которое мы предлагаем читателю, никогда не было напечатано, ибо оно хранится в личном архиве Д. И. Ортенберга. Письмо напечатано на пишущей машинке, дата и подпись чернилами. Этими же чернилами — приписка рукой В. Серовой.

Дорогой Давид!

Получил твоё письмо, а за несколько дней до этого твою телеграмму. Был очень рад тому и другому и, главным образом, как человек ленивый написание стихов, рад был письму.

Хочется рассказать в двух словах о себе. Получил сейчас два месяца отпуска и сижу все время, как гвёзды, над доработкой романа. Честно говоря, помимо самого увлечения темой (речь идет о романе «Дни и ночи». — М. Г.), еще очень хочется от лица писателей-фронтовиков как следует утереть нос всем нашим глупо-мысленным литераторам, с начала войны пишущим большие произведения в тиши своих кабинетов. Сейчас кладу все силы на то, чтобы это пожелание не осталось у меня просто словами.

Параллельно работаю с Пудовкиным над сценарием о Москве — словом, дела по горло.

Валя на днях уехала за сыном в Свердловск; а ее отсутствие работаю особенно много, чтобы больше подвинуть работу к ее приезду.

У меня прошли две премьеры — «Жди меня» в Театре драмы и «Русские люди» во МХАТе. Оба спектакля получились в общем хорошо.

Вот, дорогой мой, таковы в основном все мои дела на сегодняшний день. В ближайшее время никуда на фронт не еду — надо дожать то, что начал, — но в первую же поездку надеюсь двинуться прямо к тебе (Д. Ортенберг был переведен из «Красной звезды» в действующую армию в сентябре 1943 года. — М. Г.).

Стихи, о которых ты телеграфировал (Д. Ортенберг просил написать стихи для армейской газеты. — М. Г.), постараюсь написать, но не сейчас, а дней через пять-шесть, когда развяжусь хотя бы с первой половиной романа. Сделаю себе небольшую передышку, вот тогда напишу и пошлю тебе.

В личной жизни у меня все хорошо и складно. Есть только одно огорчение. Очевидно, я всерьез и надолго расстался с Алешей Сурковым. Он не показывался

добрых два месяца. Я случайно его встретил и напрямик спросил, в чем дело. Сначала он начал крутить-вертеть, а потом честно признался, что жена не пускает. Я ему сказал, что тайком ходить ко мне, конечно, не стоит, что я буду терпеливо ждать, сколько надо — год или два, — до той поры, пока ему разрешат или ко мне ходить, или он перестанет бояться жены. В общем, глупо и обидно, потому что я его очень люблю и немало пережил из-за этого идиотства.

Ну, вот и все о себе. Очень рад тому, что, как ты пишешь, ты уже загорелся

Константин СИМОНОВ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

новой работой и у тебя все клеится. Иначе я и не предполагал.

Дорогой Давид, мы с тобой за нашу давнюю дружбу редко объяснялись в любви, но сейчас мне очень хочется сказать тебе, что ты для меня очень дорог и что, если у меня будет трудно в жизни, я первый обращусь к тебе, а если у тебя будет трудно, ты должен сделать то же самое.

Ну, вот и все. Целую тебя и крепко жму твою руку, на счастье военное и всякое другое.

19.IX.43. Твой Константин.

Дорогой Давид! Я сегодня вернулась, привезла своего сына. Хочу присоединиться ко всему, что написал Костя. Особенно к последним строчкам. Желаю Вам счастья.

Валентина.

НЕОБЫЧАЙНО теплая человеческая приписка.

Я спросил у Давида Иосифовича Ортенберга, что он может сказать о Валентине Серовой.

— Это была удивительная пара. Помню, зимой сорок второго года, в дни тяжелой битвы за Москву, я собирался в очередную поездку на Западный фронт, в 5-ю армию генерала Л. А. Говорова. Предложил Симонову поехать со мной. Договорились рано утром встретиться в редакции. В назначенный срок Симонов пришел вместе с женой. Я подумал, что, как полагаются, Валентина Васильевна решила проводить мужа на фронт. Но одета она была по-походному: в полушубке, валенках, шапке-ушанке. Симонов, поймав мой удивленный взгляд, объяснил:

— Валя напросилась в поездку вместе с нами...

— Костя, — возразил я, — не на прогулку же мы едем.

Но тут в наш разговор вмешалась Серова:

— Я — актриса. Нужно же мне лично посмотреть и почувствовать, какова она, война! Без этого, как можно играть на сцене?

Убедила. Отправились под Можайск в пятером: я, Симонов, Серова, художник Борис Ефимов и фоторепортер Бернштейн — прототип одного из персонажей пьесы Симонова «Жди меня».

Где бы мы ни появлялись: на армейском КП, в дивизии и полках, Симонов сразу заявлял: «Это актриса Серова». И с гордостью добавлял: «Моя жена». Она нам очень помогла, потому что ее всюду узнавали по фильму «Девушка с харак-

тером», который был тогда необычайно популярен.

Вспоминается еще одна встреча с Валентиной Серовой.

Это уже было на четвертом году войны, как вы понимаете, обстановка и настроение были совсем другие. На командный пункт 38-й армии пришла депеша (мы располагались в польском городке Пшине), в которой были только два слова: «Вылетаю. Костя».

Я вовсе не удивился, когда Симонов прилетел с Валентиной Васильевой. Я даже обрадовался неожиданной гостье. Мне как начальнику Политотдела армии был предоставлен небольшой пустовавший двухэтажный домик. Весь второй этаж я предоставил Косте и Вале. С утра и до позднего вечера Симонов находился в войсках, я был занят своими делами, а Серова ежедневно по несколько раз выступала с небольшими концертами в частях армии.

Прожили они у меня три недели.

— Давид Иосифович, в июле прошлого года в многотиражной газете «Красная звездочка» (внутренняя газета «Красной звезды») под рубрикой «Из биографии «Красной звезды» был задан вопрос: «Как работал и как воспринимался в коллективе Симонов?». Отвечал ваш бывший подчиненный, корреспондент газеты Н. Прокофьев. Он сказал буквально следующее: «Работал хорошо, но хвастался еще лучше. Ортенберг и другие всячески создавали ему славу. Приедет с фронта — и через час вся редакция знает, что у Симонова пола шинели прострелена... Герой!». Как вы можете прокомментировать это?

— Несусветная чушь, кроме того, что Симонов работал хорошо. Да, он работал отменно, и я как редактор газеты неоднократно ставил его в пример другим, в том числе и Прокофьеву, который был далеко не первоклассным журналистом, редко появлялся в редакции и изредка писал о действиях нашей авиации. Да я его особенно и не тревожил, потому что

превосходные материалы о наших авиаторах давал Н. Денисов.

Что касается простреленной шинели, да, был такой факт: в 1941 году Симонов вернулся с Крымского фронта с простреленной шинелью. Симонов был храбрым человеком, не лишенным чувства страха. А кто из нас не боялся? Но что бы хвастаться, я такого не знаю и не помню.

— В годы войны в газете «Красная звезда» работали выдающиеся писатели: Алексей Толстой, Эренбург, Шолохов, Гроссман, Симонов, Платонов и другие. Наверное, не все материалы, которые они к вам присылали, появлялись на газетной полосе. Иные материалы были отмечены авторской правкой. Где они теперь, в каком архиве хранятся?

— Чудовищно, но факт: весь архив «Красной звезды» военного периода уже после войны по чьему-то нелепому приказу был уничтожен, сожжен...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ К. Симонов интенсивно работает над военной темой и в кинематографе и в литературе. 14 мая 1955 года, работая над киносценарием фильма «Бессмертный гарнизон» (фильм был поставлен режиссером З. Аграненко, в нем снимались Н. Крючков, В. Серова, Л. Сухаревская), Симонов пишет письмо маршалу Г. К. Жукову, который был в ту пору министром обороны СССР.

Дорогой Георгий Константинович!

Зимой, когда я был у Вас перед своим отъездом в Брест, я рассказывал Вам о планах работы над фильмом о защитниках Брестской крепости. Сейчас сценарий фильма «Бессмертный гарнизон» я написал, он напечатан — посылаю его Вам. Режиссеры уже начали работу над фильмом, и мы думаем снять его уже к концу этого года (фильм вышел на экраны в 1956 году. — М. Г.).

К Вам у меня очень большая просьба — оказать нам, людям, работающим над фильмом, возможное содействие. Для съемок фильма нам понадобятся участие войск, понадобятся вооружение, техника, прожекторы, электростанция, понадобятся обмундирование, понадобятся трофейная техника и ряд других вещей. Не хочу отнимать у Вас сейчас время перечислением их. Кроме того, нам нужны будут и консультанты, в том числе сведущий

старший офицер как постоянный консультант на все время съемки картины.

Министерство культуры (Управление по кинематографии в те годы входило в структуру Министерства культуры. — М. Г.), очевидно, в ближайшее время обратится к Вам с официальной просьбой и с подробным перечислением всего того, что нам необходимо, я же со своей стороны просто очень прошу Вас помочь сделать нам, в общем, пожалуй, первую после многолетнего перерыва военную картину о первом тяжелом периоде войны.

С Вашего разрешения, после возвращения из санатория сюда — я завтра уезжаю, — я позвоню Вам и, если у Вас будет время, попрошу о личной встрече. Крепко жму Вашу руку. Уважающий Вас К. Симонов.

БОЯЗНЬ говорить и показывать на экране правду заставила директора 2-го творческого объединения киностудии «Мосфильм» Ю. Шевкуненко обратиться к Симонову с письмом в момент подготовки к съемкам фильма по роману «Живые и мертвые» (реж. А. Столпер). 31 января 1961 года Ю. Шевкуненко писал:

Уважаемый Константин Михайлович! ...Обязан поделиться с Вами соображениями, которые возникли. Справедливо ли, что мы возвращаем зрителя в необходимость в течение сотен и сотен кинематографических метров смотреть на то, как отступала, претерпевая невозможные муки и унижения, Советская Армия?

...В зримом искусстве кинематографа мы увидим отступление, отступление и еще раз отступление. А великая битва под Москвой останется художественным решением, которое займет очень небольшое кинематографическое пространство и не перевесит эмоционально увиденного на протяжении всей картины.

К. СИМОНОВ буквально через два дня (2 февраля 1961 года) с негодованием ответил Ю. Шевкуненко: «Я не могу согласиться с этими соображениями. Какой бы фильм ни делался по моей книге, в нем должна быть показана вся мера наших поражений и ошибок и вся мера нашего мужества и стойкости, несмотря ни на что. В фильме должно быть ровно столько же сказано и о том, и о другом,

сколько об этом сказано в романе. Если же заранее искать в будущем фильме других пропорций трагического и героического, чем те, которые есть в романе, то я как автор романа прошу вообще не делать в таком случае фильм по моей книге. Я спокойно отнесусь к тому, если по моей книге вообще не будет сделан фильм. Делать его совсем не обязательно. Но если уж делать, то его нельзя делать вразнобой с книгой».

Отвечая 5 октября 1967 года на вопрос французского журнала «Нуэвель кристик»: «Правда о войне в наши дни уже перемешалась с легендами, так же, как правда о революции, которая уже имеет какую-то часть собственной правды и какую-то часть легенды, которой обросла эта правда. Так вот, считаете ли Вы, что надо говорить всю правду?» — К. Симонов заявил:

— Я не принадлежу к числу таких людей, которые считают, что они знают всю правду. В своих книгах о войне я стремлюсь приблизиться к правде, стремлюсь сказать эту правду, которую я знаю.

...Я стараюсь писать о том, в чем я убежден, что для меня решено.

Поясню сказанное на одном примере. Ну, скажем, если взять войну, книги о войне — один из самых сложных вопросов — роль Сталина в войне и изображение его личности, которую, разумеется, нельзя изъять из войны. Знаю ли я всю правду о Сталине в период войны? Нет. Есть, очевидно, много такого, чего я не знаю, документов, которых я не знаю, есть еще много сторон его деятельности, самых разных, которых я не знаю.

Но значит ли это, что мне нужно отказаться писать о Сталине, если я не знаю всей правды? Можно, конечно, стать на такую позицию: пока мы не знаем всей правды, мы не будем писать ничего, но я не думаю, что это плодотворная позиция. Мне кажется, что, наоборот, плодотворнее позиция та, которую занял я: в меру своих умственных способностей и таланта я стараюсь, во-первых, как можно больше узнать, во-вторых, я стремлюсь сказать всю ту правду, которую я знаю. Конечно, это лишь часть правды, но я думаю, что, говоря эту часть правды, я помогаю дальнейшим поискам более обширной и более глубокой правды в этой одной из самых трудных для изображения исторических тем.

Публикация и комментарий
Михаила ГОЛЬДЕНБЕРГА.